

Минина Виктория Генриховна
кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры теории
и практики перевода
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Viktoria Minina
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of Translation
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
victoriaminina@gmail.com

МОТИВ ПАМЯТИ В РОМАНЕ К. ИСИГУРО «ПОГРЕБЕННЫЙ ВЕЛИКАН»

THE MOTIF OF MEMORY IN K. ISHIGURO'S NOVEL *THE BURIED GIANT*

В статье рассматривается роман современного британского писателя К. Исигуро «Погребенный великан». Отмечается, что тема памяти стала магистральной в творчестве писателя и имеет биографическое начало. Характерной чертой творчества К. Исигуро являются жанровые и повествовательные эксперименты. Роман «Погребенный великан» написан в фантастическом жанре и является аллегорией, в которой затрагиваются темы войны, верности, предательства, памяти и забвения. Автор анализирует коллективную и личную память героев.

Ключевые слова: К. Исигуро; роман; память; забвение; воспоминания; повествование; эксперимент.

The article dwells upon the novel *The Buried Giant* by the modern British writer K. Ishiguro. The author states that the theme of memory has become the main one in the writer's work and has a biographical origin. Genre and narrative experiments are a characteristic feature of K. Ishiguro's work. The novel *The Buried Giant* is written in the fantastic genre and is an allegory, which touches upon the themes of war, loyalty, betrayal, memory and oblivion. The author analyses the collective and personal memory of the characters.

Кey words: K. Ishiguro; novel; memory; oblivion; recollection; narrative; experiment.

Тема памяти не нова для английской литературы: на рубеже XX–XXI вв. ее затрагивают такие писатели, как С. Рушди, М. Эмис, Дж. Барнс, Г. Свифт, П. Баркер, Б. Ансворт, И. Макьюэн, С. Фолкс и др. В творчестве нобелевского лауреата Кадзуо Исигуро (р. 1954) данная тема становится магистральной: в каждом из романов он в той либо иной мере ее касается.

В жизни К. Исигуро тема памяти имеет глубокие психологические корни: родители будущего писателя приехав в Британию с ним в возрасте пяти лет были уверены, что вернуться на родину в Японию, но все случилось иначе. К. Исигуро стал постепенно понимать всю ценность своих воспоминаний о детстве в Японии, которые со временем начинали блекнуть. Писатель боялся растерять эти воспоминания. Он осознавал, что Япония утеряна для него навсегда. Желание сберечь в памяти свою Японию и подтолкнуло мастера слова к, как ему казалось, единственно верному способу – «сохранить» ее на бумаге. В одном из своих интервью К. Исигуро говорит: «Мне не хотелось, чтобы Япония – эта страна памяти, размышлений

и воображения, образ которой стал таким хрупким, – ускользнула от меня» [1]. Стремление не потерять свою Японию или хотя бы память о ней способствовало тому, что К. Исиgуро стал пробовать себя в творчестве. Став писателем, он в каждом романе в той либо иной степени говорил о проблеме памяти.

Благодаря воспоминаниям родились два первых японских романа К. Исиgуро – «Там, где в дымке холмы» (*A Pale View of Hills*, 1982) и «Художник зыбкого мира» (*An Artist of the Floating World*, 1986). Но это тексты не о реальной Японии; изображая эту страну К. Исиgуро пишет, как утверждает С. Макензи, о «возвращении прошлого и об отрицании прошлого» [2, р.13], равно как и о разладе, происходящем по причине подобного отрицания.

В других романах писателя также прослеживается тема памяти. Так, главный герой романа «Остаток дня» (*The Remains of the Day*, 1989) дворецкий Стивенс вспоминает те годы, когда он осознанно отказался от личного счастья, от семейного очага и практически от своей индивидуальности, живя лишь жизнью хозяина. Но его тоска по упущенными возможностям свидетельствует о том, что для него еще не все потеряно – живы память и ностальгия, а следовательно, жив и он.

Герой романа «Безутешные» (*The Unconsoled*, 1995), музыкант Райдер, плутает по городу, что символизирует его блуждание по собственным воспоминаниям. Это не просто лабиринт города, это лабиринт его сознания. Город становится метафорой и символом всей жизни героя, сущности и памяти. В призрачном городе до поры до времени таятся тени всех людей, встретившихся Райдеру в жизни – тех, которые повлияли на него или судьбу которых он изменил.

Детектив Кристофер из романа «Когда мы были сиротами» (*When We Were Orphans*, 2001) также живет в мире своих воспоминаний: он тоскует по своему детству, по временам, когда родители были рядом. Именно эти воспоминания заставляют его вернуться в Шанхай и начать как поиски родителей, так и своего «я». После тщетных попыток обрести родителей герой утешается просмотром старых газет в Британском музее, в которых говорится о его былых расследованиях и славе. За воспоминаниями Кристофер прячется от реальности – от одиночества и тоски. Роман повествует о человеческой памяти, о стремлении видеть в прошлом то, что хочется.

Кэти, героиню романа «Не отпускай меня» (*Never Let Me Go*, 2005), как она сама упоминает, нередко подводит память. Воспоминания часто оказываются недостоверными, искажающими события минувших дней, особенно в тяжелых ситуациях (героиня повествует о событиях из прошлого после ухода из жизни подруги и любимого человека). Кэти держится за прошлое, потому что там все еще живы и жизнь течет в привычном русле. Не имея будущего, она живет прошлым, воспоминания – это ее сила. Благодаря памяти о прошлом жизнь героини обретает целостность.

Роман «Погребенный великан» (*The Buried Giant*, 2015) стал очередной попыткой К. Исигуро проработать тему памяти. Всякий раз экспериментируя с формой и все более отдаляясь от традиционного реалистичного письма (кафкианский нарратив в романе «Безутешные», псевдодетектив в романе «Когда мы были сиротами», роман-антиутопия «Не отпускай меня»), писатель ищет что-то новое для оформления своих идей: на сей раз он обращается к жанру фэнтэзи и аллегории. «Погребенный великан» повествует о людях, утративших память. Британский критик Р. Маслен пишет, что роман «Это не одна история, а множество противоречивых историй о прошлом» [3] (здесь и далее перевод с английского языка наш. – В. М.).

Действие романа «Погребенный великан» происходит в Британии примерно в VI в. н. э., после окончания войны между саксами и бриттами, которые теперь живут бок о бок, но ведут себя настороженно по отношению друг к другу. Население охватывает тотальная историческая амнезия, которая стирает как недавние воспоминания, так и дела минувших дней. Главные герои – пожилая супружеская пара Аксель и Беатриса. Они называют это забытье «хмарью» (*mist*). Когда-то у Акселя и Беатрисы, как им помнится, был сын, который исчез. Но ни один из супругов не может вспомнить ни самого сына, ни того, когда и почему он их покинул. Они отправляются в путешествие, чтобы навестить его. В результате эти поиски растягиваются на весь роман. Несмотря на провалы в памяти, Аксель и Беатриса почему-то уверены, что сын ждет их в своей деревне. В путешествии они встречают двух рыцарей: Вистана, молодого саксонского воина, и сэра Гавейна, пожилого и немного комичного племянника короля Артура, чья репутация, пишет Дж. Вуд, как и репутация Дон Кихота, опережает его [4]. Путешествуя, супруги становятся свидетелями сражений с людоедами, драконами, орками, грозными воинами, им попадаются зловещие монахи. Со временем Аксель и Беатриса узнают, что «хмаря», лишившая всех воспоминаний, – это дыхание драконихи по имени Квериг и что единственный способ вернуть стране украденную память – убить ее.

Роман заканчивается победой – Квериг уничтожена. Эта победа знаменует собой начало новой исторической эпохи, в которой людям придется жить и мириться с тем, что они забыли. Аксель и Беатриса вспоминают свое прошлое, которое не всегда было безоблачным. Но хуже всего то, что к ним приходит следующее осознание: царивший в их стране мир между саксами и бриттами был результатом забвения, снизошедшего вместе с дыханием драконихи Квериг. Без «хмари» к людям опять начинает возвращаться их прежняя вражда. Аксель это понимает первым: *Мы с тобой жаждали смерти Квериг, думая только о собственных дорогих нам воспоминаниях. Но кто знает, какая застарелая ненависть воспрянет теперь по всей стране? Нам нужно лелеять надежду, что Господь всё же отыщет способ сохранить узы между наших народов, хотя нас всегда разделяли обычаи и взаимные подозрения. Кто знает, что станется, когда острые языки зарифмуют давние обиды со свежей жаждой земли и власти?* [5]. Более дальновидный рыцарь Вистан, который, похоже, до сих пор носит в сердце

обиду на бриттов, идет дальше в своих безрадостных прогнозах: *Великан, когда-то глубоко погребённый, зашевелился*. Вистан предсказывает жестокую войну: *Когда же он восстанет, а он восстанет, дружеские узы меж нами покажутся узелками, которые девочки вяжут из цветочных стебельков. По ночам мужчины будут жечь соседские дома. На рассвете – вешать на деревьях детей. Реки будут источать зловоние трупов, раздувшихся от долгого плавания. И, продвигаясь вперёд, наши армии будут расти всё больше, питаясь гневом и жаждой мести. Для вас, бритты, это будет всё равно что огненный шар. Останется только спасаться бегством или сгинуть. Эта земля, край за краем, станет новой страной, страной саксов, где от вашего народа не останется и следа, разве что пара одичавших овечьих отар на холмах* [5]. Но Аксель и Беатриса, которые уже далеко не молоды, скорее всего, не доживут до этого кровавого будущего.

Российская исследовательница О. В. Переходцева отмечает: «Память – динамическая система, интегральной частью которой является забывание и искажение, которые раньше считались ошибками, погрешностями памяти [6, с. 9]. Эти свойства памяти в том числе проиллюстрированы в «Погребенном великане». Уже с первых страниц романа автор «рисует» весьма необычный мир: его обитатели с трудом вспоминают события, произошедшие совсем недавно, не помнят лица людей, которых, казалось бы, только что видели: *Вот, например, что долго не давало Акселю покоя: он был уверен, что не так давно среди них жила женщина с длинными рыжими волосами и что в деревне её очень почитали. Стоило кому-нибудь пораниться или заболеть, как тут же посыпали за рыжеволосой, которая была сведуща во врачевании. Но теперь женщины пропал и след, и никто, похоже, не стремился узнать, что с нею стало*, и даже не выказывал сожаления о её отсутствии. Когда однажды утром Аксель заговорил о ней с тремя соседями, вместе с которыми разбивал в поле мёрзлые комья земли, их ответ убедил его, что они искренне не понимают, кого он имеет в виду [5]. Супруга героя тоже не помнит никакой женщины, убеждая мужа, что это был всего лишь сон. Так автор начинает вести интеллектуальную игру с читателем, у последнего пока нет ясного представления, что же происходит на самом деле, какова истинная реальность. Но К. Исиуро продолжает плести тонкую нить повествования, раскрывая все новые грани создаваемого мира.

Периодически у Акселя всплывают в голове фрагменты воспоминаний: *Всегда ли они жили вот так, вдвоём, на отшибе от остальных? Или когда-то всё было по-другому?* Откуда-то извне к Акселю вернулись обрывки воспоминаний: *краткий миг, когда он шёл по длинному главному коридору норы, обняв за плечи одного из своих детей <...>. Но теперь, совсем как тогда, когда он сидел снаружи, у него в голове всё кружилося, и чем больше он пытался сосредоточиться, тем бледнее становились обрывки воспоминаний. Возможно, это были всего лишь видения старого дурака. Может, дело было в том, что Господь так и не дал им детей* [5]. В этом внутреннем монологе отражена суть повествования К. Исиуро: показывая, насколько ненадежным механизмом может быть память человека, он дает читателю несколько версий происходящего (были дети у Акселя и Беатрисы либо же

нет). Мир воспоминаний оказывается таким зыбким, что даже сами герои не понимают, где истина. Когда же автор «столкнет» воспоминания с реальностью, читателю придется перестраивать систему координат романа, вписывая в нее иные события и переосмысливая их.

Герои «Погребенного великана» нередко повторяют слова *возможно; необъяснимое чувство; возможно, в том и была причина*, а также фразы *Я перебирала в памяти, как это было, Аксель; Это было давно, и память иной раз меня подводит; Цель их похода вдруг ускользнула из его памяти; в его памяти оставались только разрозненные обрывки; Здешние деревья, и вересковые пустоши, и само небо над головой словно пробудили какое-то забытое воспоминание; Но на каждом повороте во мне словно пробуждается смутное воспоминание* [5]. Так К. Исиgуро показывает, какой зыбкой может быть память, ей нельзя доверять. Читатель начинает плутать в лабиринте лингвистических игр писателя. Вот так поэтично один из героев описывает хрупкость воспоминаний: *Эта страна пробуждает во мне столько воспоминаний, но каждое вроде беспокойного воробушка и в любой миг готово упорхнуть вместе с ветром* [5].

Одно событие из прошлого супруги помнят несколько по-разному, истина так и остается неведомой читателю, но в конце разговора супруга уступает и говорит: *Если тебе именно так всё запомнилось, Аксель, пусть так и будет. С этой хмарью все воспоминания – драгоценны, и мы должны их хранить как зеницу ока* [5]. В попытках сохранить себя, свою идентичность герои хващаются за мельчайшие осколки прошлого, которые иногда всплывают в памяти: *поймал обрывок воспоминания. Обрывок был маленький, но это всё равно принесло ему облегчение, потому что теперь ему было о чём поразмыслить* [5]. Присутствуют в воспоминаниях также глаголы чувственного восприятия, например: *Он помнил, каким был на ощупь вереск, когда он провёл по нему рукой, помнил ветер в кронах высоких деревьев и присутствие молодой девушки* [5].

Писатель К. Исиgуро создает мир, в котором герои не в силах отделить сон от яви, вспомнить очевидное, «лица и события прошлого более отдаленного и вовсе теряются в тумане» [7]. Вот как рассказчик повествует об этом: *у них в общине прошлое обсуждали редко. Я не хочу сказать, что на него было наложено табу. Просто оно каким-то образом растворилось в хмари, такой же густой, как та, что висела над болотами. Жителям деревни просто не приходило в голову думать о прошлом, даже самом недавнем* [5].

Следуя своей задумке создать мир, в котором люди все забывают, писатель анализирует поведение людей и показывает, что именно память о себе, других, окружающем мире делает нас личностями; без памяти человек утрачивает способность к эмпатии и совершает нелогичные поступки. К примеру, родители не волнуются из-за пропажи дочери, потому что они попросту об этом забыли.

Привыкший к анализу читатель выхватывает из текста фразу *В конце концов, он был всего лишь стариком, у которого временами ум за разум заходит* [5], – это, казалось бы, могло быть логичным объяснением происходящего в романе. Писателю нравится «жонглировать» осколками памяти,

наблюдая, за тем, какие «фигуры» могут сложится, если человек притворяется или на самом деле что-то забыл. Он показывает, что человеческая память избирательна: его герои намеренно стремятся вычеркнуть из нее неприятные моменты, умолчать о них, забыть (как, например, Масуи Оно из романа «Художник зыбкого мира», который пытается не вспоминать прошлое, в котором он рисовал милитаристские картины и из лучших побуждений донес на ученика). «Меня интересует память, поскольку это фильтр, через который мы смотрим на наши жизни, а поскольку он туманен и неясен, то, следовательно, предоставляет множество возможностей для самообмана» [8], – признается К. Исигуро. Российский литературовед О. Г. Сидорова в частности отмечает, что «писатель интересуется, прежде всего, субъективной памятью своих героев» [9, с. 218].

Несмотря на фантастический жанр повествования, К. Исигуро остается верен себе: он пытается затронуть эпистемологические вопросы. В случае с «Погребенным великанием» это проблемы верности, предательства, старения, войны и памяти, а также ее утраты и забвения. Автор рассматривает память историческую и индивидуальную.

Метафорой исторической памяти стало дыхание драконихи (хмарь). Оно положило конец кровопролитной войне, позволило «забыть о геноциде саксов армией короля Артура и установить тем самым вечный мир, забвение же событий частной жизни оказывается всего лишь побочным эффектом этого радикального рецепта» [7], – пишет Е. Риц. *Но вскоре я понял замысел истинно великого короля. Ибо войны вмиг прекратились, ведь так, сэр? Разве с того самого дня нам не сопутствовал мир?* [5] – говорит один из героев.

Оправдывая дело короля Артура, его племянник, верный рыцарь, говорит: *Там, где мы когда-то сражались за землю и веру, мы стали сражаться, чтобы отомстить за павших товарищей, тоже убитых из мести. Как было с этим покончить? Младенцы становились мужчинами, видя только войну <...> Я вспомнил, как предали Господа. И я не буду жалеть, если хмарь и дальше будет скрывать от меня подобное* [5]. Рыцарь был приставлен охранять жизнь драконихи, т. к. пока она дышит, сознание людей одурманивается, у них отбирается память – они не помнят о войнах, младенцы не впитывают с молоком матери желание отомстить. И тем самым сохраняется мир.

Читатель должен сам ответить на вопрос о допустимости подобного деяния со стороны короля Артура. Автор не дает на него ответа – он истинный сын эпохи постмодерна, исключающей однозначность прочтения истории, не навязывающей своей точки зрения.

Подчеркивая дискуссионный характер проблемы и невозможность существования единой истины, ибо она зависит от угла зрения, писатель создает героев, представляющих две полярные точки зрения. Один из них утверждает, что без заклятия драконихи мир бы никогда не наступил: *Посмотрите, как мы теперь живём! Старые враги – словно родня, от деревни к деревне. <...> Её дыхание уже не то, что раньше, но чары в нём ещё остались. Подумайте, что может пробудиться на этих землях, стоит ему прерваться, пусть даже прошло столько лет!* Да, мы убивали без счёту,

признаюсь, и не разбирали, сильных бьём или слабых [5]. Далее он продолжает: позвольте Квериг потрудиться ещё немного. Год или два, больше она не протянет. Но даже этого может хватить, чтобы старые раны окончательно затянулись и меж нами установится вечный мир [5].

Присутствует и носитель другого мировоззрения, который считает, что прошлое зло не забывается: *Как могут старые раны затянуться, если они кишат червями? И как может мир держаться вечно, если он построен на кровопролитии и колдовском коварстве? Я вижу, как искренне вы хотите, чтобы ваши давние кошмары рассыпались в прах. Но они белыми костями лежат в земле и ждут, чтобы с них сдёрнули покрывало [5].*

Что касается индивидуальной памяти и ее утраты, то воплощением этого стали Аксель и Беатриса, которые одновременно жаждут и опасаются вспомнить свое прошлое. В душе они понимают: есть возможность вспомнить, что навсегда разрушит хрупкий мир их счастья: *Если воспоминания вернутся и среди них окажется память об обидах, которые я когда-то тебе причинил. Или, хуже того, о дурных поступках, совершённых мною когда-то и при воспоминании о которых ты не узнала бы во мне человека, стоящего перед тобой сейчас. Пообещай мне хотя бы это. Пообещай, принцесса, что не позабудешь тех чувств ко мне, которые сейчас живут в твоём сердце. Ибо какой будет прок, если воспоминания, вырвавшиеся из хмари, вытеснят собой другие? Обещаешь, принцесса? Пообещай навсегда сохранить в своём сердце то, что ты чувствуешь ко мне в этот миг, что бы ты ни увидела, когда хмаря рассеется [5]*, – говорит супруг. Его испуганная супруга отважно отвечает: но я не хочу, чтобы мы с тобой играли друг с другом в прятки. Я-то уж точно не буду, Аксель, а ты, ты согласен? Давай без помех увидим путь, пройденный вместе, не важно, в сумраке или под ласковым солнцем [5]. Это дилемма, перед которой автор ставит читателя: что лучше – жить счастливо и умиротворенно, не помня своего прошлого, утратив часть своей идентичности («именно воспоминания составляют стержневую структуру личности» [7]), или узнать правду и с нею жить.

Дилемма, описываемая К. Исигуро, заключается в том, готов ли человек вспомнить не только все хорошее и как он будетправляться с дурными, разрушительными воспоминаниями, которые придут вместе с радостными. На это у героини свой ответ: *Мы и плохие воспоминания примем, даже если они заставят нас рыдать или дрожать от гнева. Разве же это не общая наша жизнь? <...> Это как сказка со счастливым концом, и даже ребёнок знает, что не стоит бояться ведущих к нему поворотов судьбы. Мы с Акселем хотим вспомнить прожитую вместе жизнь, какова бы она ни была, потому что дорожим ею [5].*

Мы согласны с утверждением Е. Риц о том, что использованная в романе метафора погребенного великаны «и есть зарытая, забытая память об исторической травме. <...> Кадзуо Исигуро говорит о том, что историческое покаяние необходимо, иначе все превратятся в людей без памяти, точнее, эта память уйдет в подсознание и будет там болезненно кипеть, калечить внешне таких спокойных и удовлетворенных ее носителей» [7].

Но погребенный великан не единственная метафора в романе. Само произведение становится метафорой. Это путешествие, путешествие к сыну. К сожалению, сын уже давно умер, таким образом, все превращается в путешествие к смерти. Поиск сына оборачивается поиском своего пути в другой мир. Из-за того, что память героев задурманена дыханием драконихи, они сами не понимают, что ищут. Искать сына для них вполне естественно. И читатель до последних страниц романа следует за логикой героев. Но лишь в конце произведения повествование словно идет двумя путями: открывшаяся перед читателем правда о сыне, его смерти и, скорее всего, предстоящей смерти главной героини; заблуждение главной героини, садящейся в лодку для переправки на другой берег и продолжающей верить, что там она увидит сына. Следуя религиозной логике (в романе много религиозных образов и отсылок), вероятно, так и будет. Правда открывается читателю по мере того, как к главному герою начинают возвращаться воспоминания. Его же жена, что-то вспоминая, продолжает жить в своем иллюзорном мире. Писатель показывает, что так человек прячется от травматичных событий, с которыми психика не справляется.

Британский исследователь Дж. Вуд считает, что К. Исигуро придумал образ «хмари» в целях размышления над теологическим вопросом: «чтобы ограничить страдания или избавиться от них, необходимо ограничить свободу воли избавиться от нее» [4]. Однако, как продолжает исследователь, если мы отказываемся от страданий, то в не меньшей степени нам претит и перспектива мира без свободы творить добро или зло. «Лишившись прошлого, мы лишаемся будущего; без памяти мы становимся автоматами, а не полноценными людьми. Возможно, это самая важная тема К. Исигуро, его область как писателя – способ представить наш сговор с собственной несвободой» [4].

Герой по имени Айвор, встреченный супругами в дороге, говорит Беатрисе, что туман может быть религиозным наказанием: возможно, Господь разгневан тем, что сотворили люди, поэтому лишает их памяти. На что Беатриса отвечает, что Господь, возможно, не сердится, а стыдится (*–Любопытная мысль, принцесса. Но если всё так, как ты говоришь, почему же он нас не накажет? Зачем заставлять нас, как дураков, забывать то, что случилось всего час назад? – Может быть, Господу так стыдно за нас из-за того, что мы сотворили, что он сам хочет об этом забыть. И, как сказал Айвору тот чужестранец, если не помнит Господь, неудивительно, что и мы не помним* [5]).

Помимо религиозного аспекта концепта памяти есть в романе и возможные отсылки к исторической памяти в более глобальном масштабе. Так, Р. Маслен отмечает: «Книга переносит травматический опыт японской истории – и то, как он был представлен в искусстве, особенно в кино, – на территорию Британии. Все знают о многочисленных травмах и зверствах, погребенных в прошлом Японии, но британцы еще больше усердствовали в погребении своего прошлого: от массовых убийств в Ирландии и Индии до

изобретения концентрационных лагерей во время англо-бурской войны» [3]. Тем самым этоозвучно словам американского литературоведа Дж. Вуда, пишущего для *New Yorker*, который указывает, что К. Ишигуро «написал не роман об исторической амнезии, а аллегорию об исторической амнезии, действие которой происходит в Британии шестого или седьмого века, кишащей драконами, ограми и артуровскими рыцарями» [4].

Таким образом, роман К. Ишигуро «Погребенный великан» стал очередной попыткой писателя проникнуть в глубины человеческой памяти и описать человека и народ, утративших память о себе. Инструментом для данного авторского эксперимента стал фантастический жанр, который, однако, не обесценивает глубину затрагиваемых автором проблем: войны, верности, предательства, самопожертвования, памяти и забвения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ishiguro's Interview. – URL: www.brothersjudd.com/index.cfm/fuseaction/reviews.detail/book_id/364/Pale%20View%20of.htm (date of access: 30.02.2025).
2. Mackenzie, S. Between Two Worlds / S. Mackenzie // The Guardian. – 2000, March 25. – P. 10–17.
3. Maslen, R. Kazuo Ishiguro, The Buried Giant / R. Maslen. – URL: <https://thecityoflostbooks.glasgow.ac.uk/kazuo-ishiguro-the-buried-giant/> (date of access: 17.03.2025).
4. Wood, J. The Uses of Oblivion / J. Wood – URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2015/03/23/the-uses-of-oblivion> (date of access: 17.03.2025).
5. Ишигуро, К. Погребенный великан / К. Ишигуро. – URL: <http://loveread.ec/contents.php?id=52330> (дата обращения: 26.04.2017).
6. Переходцева, О. В. Память и нарратив в современной английской литературе: М. Эмис и Дж. Барнс : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Ольга Всеволодовна Переходцева. – М., 2013. – 23 с.
7. Риц, Е. Сильней рассудка памяти печальной / Е. Риц // Новый мир, 2016. – № 5. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/5/silnej-rassudka-pamyati-pechalnoj.html (дата обращения 26.03.2025).
8. Dunn, A. In the Land of Memory. An Interview with K. Ishiguro to Channelnewsasia.com, 27 Oct. 2000. / A. Dunn. – URL: http://cnn.mediacorpnews.com/analysis_prog/incon_kazuo.htm (date of access: 23.06.2015).
9. Сидорова, О. Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 / Ольга Григорьевна Сидорова. – М. : РГБ, 2006. – 333 л. – URL: (дата обращения: 19.03.2025).

Поступила в редакцию 02.04.2025